

БЕЗУМЕЦ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

К окнам привинтили решетки, в крепко запертой двери вырезали квадратное окошко — через него можно было передавать еду и следить за узником. В конце коридора дежурил жандарм, в парке расположилась охрана. В два часа дня его вывели к озеру, следующая прогулка должна была состояться вечером...

Ковры приглушали шаги, мерно тикали часы, но время больше не имело никакого значения — для него оно остановилось. И хотя Людвиг II, король Баварии, по-прежнему оставался государем своей страны, любой надзиратель мог показать ему кулак. Так обходились с его несчастным братом Отто, теперь такое же испытание выпало и на его долю.

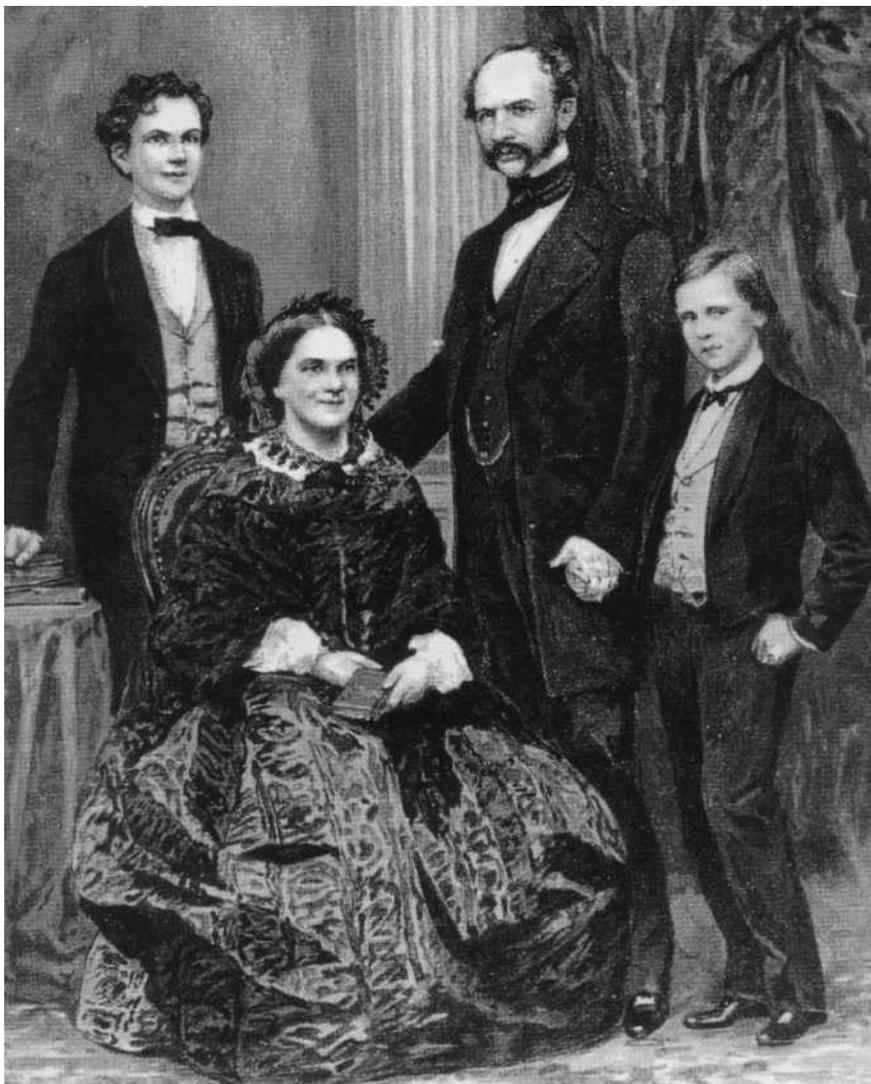
Так — или примерно так — закончился первый день короля в замке Берг. Сюда, на Штарнбергское озеро, его при-

вели под усиленной охраной (крестьяне любили Людвига и могли его отбить): жандармы в блестящих медных касках плотным строем окружали карету, а доктор Гудден, маленький седой старичок с острым взглядом, сидел напротив короля и занимал Его Величество разговором. Шел июнь 1886 года, и всем, кому посчастливилось жить в это время, было совершенно ясно, что эра прогресса и всеобщего благоденствия близка как никогда: короли распоряжались судьбами своих подданных с их согласия, и те их уже не убивали. Для того чтобы отрешиться от власти короля Баварии, монарха, пра-

вильшего страной на основании дарованной его предками конституции, теперь достаточно было заключения медицинской комиссии, решения правительства и воли парламента. Но все же то, что происходило сейчас, очень напоминало заговор и государственный переворот — и поэтому доктор Гудден нервничал и невпопад говорил о погоде, видах на урожай и последних мюнхенских премьерах.

Как все было на самом деле, никто так и не узнает: ни доктор Гудден, почтенный мюнхенский психиатр, ни Людвиг II, его король и повелитель. Трясаясь в карете к самому удаленному из королевских замков,

Его называли самым красивым из монархов Европы, и мюнхенцы, почитающие Господа и своих правителей, гордились таким королем

они еще не догадываются, что ни одному из них уже не удастся рассказать, как прошел этот день. Спектакль приближается к концу, и сейчас, под занавес, в зале уже нет зрителей; а ведь без малого двадцать пять лет назад, когда Людвиг II взшел на престол, ему рукоплескал весь мир.

...Улицы, забитые ликующей толпой, гром музыки, грохот пушек, королевская гвардия в белых мундирах, мэр Мюнхена с тяжелой золотой цепью на шее. И вот наконец появляется Он — высокий, стройный, черноволосый, с огромными темными глазами на ангельски бледном лице, а два пажа несут за молодым королем длинную горностаевую мантию. Его называют самым красивым из монархов Европы, и мюнхенцы, почитающие Господа и своих правителей, гордятся таким королем.

Докладная, составленная шефом полиции, в этот день была на редкость оптимистичной. Тайный советник доктор юстиции Мельхорн знал свое дело: он начинал служить еще при дяде молодого короля и отлично помнил революцию, которая лишила того престола. Мюнхенцы любили своих правителей, но они были добропорядочными людьми: Лола Монтез, фаворитка шестидесятилетнего Людвига I, давно действовала им на нервы. Она выдавала себя за испанку, но доктор Мельхорн прекрасно знал, что на самом деле Лола Монтез — шотландка

Максимилиан II, Мария Прусская и их дети — Людвиг II (крайний слева) и Отто

Рихард Вагнер имел скверный характер, скрывался от кредиторов и полиции и даже не подозревал, что в скором времени ему улыбнется удача

(«урожденная Элайза Джильберт, источники доходов неизвестны»), авантюристка, прославившаяся скандальными амурными похождениями. Из-за нее дрались на дуэлях в столицах доброй половины Европы. Король был артистической натурой: он собирал картины, выстроил для города великолепную галерею и наполнил ее сокровищами искусства, а они прозвали музей «дурацким домом кронпринца» и судачили о фрау Монтес на всех углах.

Мюнхенцы были возбудимыми, но здравомыслящими людьми, их революция сильно отличалась от тех, что вспыхнули в Европе в том же 1848 году. Город восстал не против короля, а против фрау Монтес: как только интриганка покинула страну, беспорядки улеглись. Но вслед за ней уехал и король — передал престол брату и умчался в Италию. На днях на стол доктору Мельхорну легла очередная кипа секретных сводок. Ознакомившись с донесениями, он испытал глубокое удовлетворение: его бывший повелитель чувствовал себя отлично, занимался в

Италии искусством, а проклятая авантюристка влачила в Нью-Йорке жалкое существование, с трудом наскребая на хлеб. В этом шеф полиции усматривал явную волю провидения: ведь это она погубила короля, которого он любил.

Зато Максимилиана II, младшего брата Людвига I, к которому тогда перешел престол, он терпеть не мог — как и большинство честных мюнхенцев. Добрые католики, они любили и повеселиться во время карнавалов, выпивали тысячи литров пива и съедали тонны сосисок (обычно в эти дни в Мюнхене начинали от четырех до шести тысяч внебрачных детей). А Максимилиан оказался протестантским сухарем: терял время на научных диспутах и за те годы, что находился на троне, не завел ни одной любовницы!

«Король умер, да здравствует король!» — ревел вместе с ликующим простонародьем Йозеф Мельхорн, тайный советник, доктор юриспруденции и истинный баварец. И, двигаясь вслед за королевским кортежем, раздвигал толпу мощным животом, набитым прекрасными мюнхенскими сосисками. На баварский трон взойшло олицетворение красоты и добра, и от нового короля все ждали самого лучшего. Юноша, однако, поглядывал вокруг с некоторым испугом — Максимилиан лично порол сына, последнюю взбучку Людвиг получил всего три года назад, и всеобщее ликование его ошеломило.

Однако статс-секретарь короля, граф фон Нейренгаупт, считал, что Баварии повезло — ведь Людвиг II так хотел стать настоящим государем: он много читал, прилежно скучал на заседаниях Государственного совета и слушался министров, учивших его уму-разуму. А потом Людвиг Баварский услышал музыку Вагнера, и она свела его с ума — он пошел за проклятым шарлатаном, как гаммельнские дети за дудочкой крысолова.

У доктора юриспруденции Мельхорна, впрочем, на этот счет было свое мнение. Много позже, когда случилось неоправдываемое и коронованные особы проезжали через Баварию инкогнито, дабы не встречаться с Людвигом, не называть его кузеном и не попадать в дурацкое положение, начальник тайной полиции составил психологический портрет своего повелителя. На пятидесяти листах плотной веленовой бумаги, адресованных графу Нейренгаупту (к тому времени главе одной из парламентских фракций), Йозеф Мельхорн описал детство Его Величества, его странности и странности его предков.

Различными психическими отклонениями страдали двадцать Виттельсбахов; отец Людвиг был подвержен жестоким депрессиям, тетя свято верила, что ненароком съела рояль из зеленой травы. Мать Его Величества, принцесса Пруссского дома Мария, принадлежала к самой нездоровой ветви рода Гогенцоллернов — ее предки тоже не отличались крепкими нервами. Первое время меморандум доктора Мельхорна считался величайшей государственной тайной. Аргументами из него граф Нейренгаупт воспользовался на том заседании Госсовета, после которого в замок Нойеншванштейн примчались отряд жандармов, доктор Гудден и чиновник с конвертом, скрепленным печатью Баварии. Двадцать четыре года назад граф Нейренгаупт любил молодого короля, теперь же он хотел убедить весь мир, что Людвиг был обречен с самого рождения. Младший брат Людвиг, Отто, вот уже который год находившийся под строгим надзором, давным-давно потерял рассудок и, по словам врачей, превратился в животное. В своей наглухо запертой комнате принц Отто прыгал, уворачиваясь от невидимых чертей, бормотал и пел что-то бессвязное. Музыка Вагнера лишь пробудила в Людвиге дремавшее до поры безумие. Не случайно и он, и Отто признавались в детстве воспитателям, что время от времени слышат какие-то странные голоса, которые что-то им приказывают, — разве это не сумасшествие?

Те, кто отрешил его от власти, спасли страну — так считали господа из Мюнхена, но друзья Людвиг не хотели этому верить. Он был ангелом, считали и Рихард Вагнер, обязанный королю всем, и кузина Людвиг Елизавета, императрица австрийская. Говорили, что она была единственной женщиной, которую он любил. Во всяком случае, она одна понимала его полностью: странный мир Людвиг II, полный экзальтации и поклонения красоте, великолепный, как вагнеровские увертюры, и полностью оторванный от реальной жизни, был и ее миром — добропорядочные мюнхенцы с удовольствием судачили о безумии эксцентричной австрийской императрицы.

Они выросли вместе, оба любили прекрасное и поклонялись Вагнеру. Партитуры и либретто композитора попали к принцу в 12 лет, и он выучил их наизусть. Принц еще не слышал этой музыки, но она звучала у него в ушах, и Людвиг Виттельсбах мыслями улетал туда, где на фоне волшебных лесов, хрустальных озер и заколдованных замков прекрасные рыцари спасали златовласых дев. Отец из-

водил его началами философии и уроками тригонометрии, матушка таскала на горные прогулки (королева была прирожденной альпинисткой и прыгала через альпийские расщелины как горная коза). Все это не слишком радовало принца, (к тому же во время одного из таких путешествий разбился его любимый гувернер) — единственной отрадой оставалась тетрадь с операми Вагнера.

Став королем Баварии, Людвиг проглотил несметное количество книг по статистике и экономике, получил от своих министров множество необходимых для короля сведений. А затем снабдил дорожными аккредитивами двух верных слуг и отправил их на поиски господина Вагнера.

Серый полдень, убогая комната, скудный обед — Рихард Вагнер скрывается во Франкфурте от кредиторов и политической полиции. Ему пятьдесят лет, у него море долгов и скверный характер: из-за неистребимой склонности к противоречиям и бузе он даже поучаствовал в революции 1848 года. А еще он гений — но в этом пока уверены немногие, и сам господин Вагнер почти отчаялся убедить мир в данном обстоятельстве. Его операм требуются гигантский оркестр и огромная сцена, так что скорее всего их никогда не поставят в театре. Неожиданно дверь его комнаты открывается, и входят двое господ, которых господин Вагнер сперва принимает за сыщиков. Но это, оказывается, явилась судьба: распознав в почтенных господах ее посланцев, Рихард Вагнер подрастает сантиметров на тридцать. У него расправляются плечи, и хозяин гостиницы от изумления теряет дар речи — он не узнает кроткого и униженного постояльца, ни разу не заплатившего по счету...

Доктор Мельхорн знал об этом во всех деталях: прочитав восторженное письмо баварского короля и надев на руку присланный ему бриллиантовый перстень, Вагнер преобразился. И, естественно, тут же помчался в Мюнхен, где Людвиг принял его с распростертыми объятиями. Копии перлюстрированных писем доктор Мельхорн предусмотрительно откладывал в тайничок — на всякий случай. «До тех пор пока вы живете, жизнь моя будет прекрасной и полной счастья. О, любимый мною человек, как я радуюсь приближению того времени, когда мой дорогой друг посвятит меня в тайны и чудеса своего искусства...» — перечитывая подобные пассажи, доктор Мельхорн чуть не плакал: бедный Людвиг положительно сошел с ума!

Замок Нойеншваштейн — один из дворцов, построенных «сумасшедшим Людвигом»

— Да, господа, все началось с того, как нашего юного короля околдовал этот проходимец! — этими словами много лет спустя вышедший в отставку и еще больше растолстевший Йозеф Мельхорн неизменно заканчивал рассказ о давних событиях, и собеседники, бывший почт-директор и отставной уланский полковник, дружно стучали о стол пивными кружками в знак согласия со старым приятелем: Рихард Вагнер действовал на добропорядочных мюнхенцев как красная тряпка на быка.

Баварцы всегда были большими собственниками: они любили своих королей и не хотели делить их ни с кем. А Людвиг предпочитал государственным делам, придворным балам и празднику Святого Георгия общество Вагнера. Дела композитора наконец-то пошли на лад, но под натиском королевской любви он начал стенать: «Мое одиночество ужасно! С этим молодым королем можно лишь витать в поднебесье...»

Впрочем, он лукавил: жаловаться на судьбу ему не приходилось — в Мюнхене с большим успехом прошли премьеры его опер, и король решил построить великолепный театр для одного лишь Вагнера. Он будет огромен, там соберутся лучшие певцы мира, и тогда весь свет убедится в том, что его кумир — величайший гений... Честные мюнхенцы скрежетали зубами: по городу ходили слухи, что король уже потратил на своего любимца сотни тысяч марок, а проклятый театр окончательно разорит Баварию! И вдруг Людвиг II удаляет от себя Рихарда Вагнера...

Друзья часто спрашивали Мельхорна, почему это произошло, а тот в ответ только улыбался. Его тайны давно уже не могли никому повредить, но старый чиновник по-прежнему держал язык за зубами: дело было и в прочно усвоенной привычке, и в непоколебимом чувстве собственной значительности. А тогда, двадцать с лишним лет назад, господин фон Нейренгаупт представил королю доклад, из которого следовало, что в Мюнхене назрела революция. Что Вагнер раздражает горожан так же, как некогда Лола Монте, что они называют его Лолусом и Лолотом и, того гляди, возьмутся за оружие — стрельба начнется, как только король заложит первый камень в основание Мюнхенского оперного театра. Людвиг был нервным и робким юношей: он прослезился, испугался — и выдворил Вагнера из страны...

Но на самом деле никакой революции и не пахло, просто Йозеф Мельхорн в своем докладе соответствующим обра-

зом изложил бродившие по городу слухи. Конечно, король мог и не поверить докладу — однако один из его пунктов добил Людвига окончательно. Оказывается, господин Вагнер сожительствовал с супругой своего секретаря, известного дирижера фон Бюлова, и та имела от него детей! К докладу прилагались выдержки из переписки Вагнера и госпожи фон Бюлов, и ревнивый как женщина Людвиг пришел в отчаяние и слезливую ярость — он отверг кумира и оплакивал свое решение всю жизнь. Король уединился в замке Гогеншвангау и в Мюнхене показывался все реже. Горожане между тем встречали его овациями — проклятый Вагнер уехал, и им уже не надо было делить с кем-то своего короля, самого молодого и красивого монарха Европы. Да и зарубежные газеты писали, что государь, который так влюблен в прекрасное, прославит Баварию.

Между тем король не общался ни с кем: проводил время за книгами, гулял в одиночестве, иногда декламируя монологи из каких-то пьес. Он построил замок Линдергоф и украсил его панно с изображением сцен из жизни двора Людовика XIV (Йозеф Мельхорн сразу сооб-

**На баварский трон взошло
олицетворение красоты и добра,
и от нового короля все ждали только
самого лучшего**

разил: малыш хочет на него походить — французский король всю жизнь делал что ему вздумается, не слишком беспокоясь о мнении министров и настроениях парижан). Казалось, Людвигу разонравилась Бавария — он поговаривал, что неплохо бы выкупить у русского императора Крым, затем собирался приобрести какой-то тропический остров. Корона его явно тяготила...

Когда Людвигу пришлось принимать решение о войне с Пруссией, он под каким-то предлогом выскользнул из замка, оставив изумленных министров одних, и исчез. Через несколько дней его обнаружили в Швейцарии. Шквал насмешек, поднявшийся в иностранных газетах, глубоко унизил баварцев и окончательно выбил короля из колеи, а позорно проигранная война усилила его депрессию. Он был слишком странным для своей чересчур нормальной страны, и мюнхенцы постепенно начинали это понимать. Когда Его Величество наконец решил завести любовницу, баварцы испытали глубокое облегчение: это в лучших традициях королевского дома, а значит, приведет молодого государя в чувство.

Актриса Лиля фон Бульовски, статная брюнетка с глубоким контральто, была старше короля на восемь лет и слыла женщиной опытной. Король влюбился в нее до беспамятства: посылал нежные письма и изводил бесконечными прогулками по паркам. Об их последнем свидании у доктора Мельхорна имелись противоречивые сведения: фрейлейн Бульовски уверяла, что король, осыпав поцелуями ее колени и руки, положил голову на пышную грудь и так просидел до рассвета, проливая слезы и нежно

В своей наглухо запертой комнате принц Отто прыгал, уворачиваясь от невидимых чертей, пел и бормотал что-то бессвязное

вздыхая. Людвиг же рассказал доверенному пажу, что дама всю ночь гоняла его по спальне: Лиля была крепкой женщиной и изнасилования ему удалось избежать с огромным трудом.

Бог весть что произошло на самом деле: королева-мать, считая, что авантюристка соблазнила ее чистого мальчика, потребовала, чтобы актриса незамедлительно покинула Мюнхен: «Пока она

здесь, Людвиг не женится!» Фрейлейн Бульовски, по словам горничной, вернулась домой в совершеннейшей ярости, била посуду и кричала: «Он холоден как рыба!» Позже актриса рассказывала знакомым, что спальня короля якобы увешана такими непристойными картинками, что покраснела даже она. По словам Лилы, Людвиг усадил ее на свою постель, затем вынул из кармана ее портрет в ро-

ли Марии Стюарт и, сказав: «Это послужит нам защитой!», весь вечер читал монологи Шиллера.

В его покоях побывало много актрис, но ни одна не задержалась надолго. Письмо короля к Мари Дан-Хаусманн (она была старше Людвигу на пятнадцать лет) доктор Мельхорн в свое время отложил в сторону — оно показалось ему весьма примечательным: «...Вчера вы, ка-

залось, подумали, что я несчастен. Это не так В целом я счастлив и доволен — когда бываю в деревне среди гор. Если я и чувствую себя несчастным, одиноким и отрезанным от жизни, то лишь в ненавистном мне городе. Как альпийская роза вянет и гибнет в атмосфере раскаленного дома, так и я могу жить только на свежем ветру. Если я останусь в Мюнхене еще на некоторое время, это убьет меня...»

И он покинул свой город — но перед этим разбил сердце еще одной дамы.

Юная Софи Байерн приходилась родной сестрой Елизавете Австрийской. Король полюбил ее за нежную романтическую красоту и пристрастие к музыке Вагнера; он называл ее Эльзой, она его — Генрихом, и жители города Мюнхена не могли налюбоваться на прекрасную пару. После бала, где они протанцевали всю ночь, Людвиг ворвался в спальню матери и объявил, что женится. Это была хорошая новость, но ближе к свадьбе в поведении короля стали замечаться странности.

Он мог покинуть невесту посреди при-

дворного праздника и уехать в театр — к последнему действию пьесы любимого Шиллера. Камердинер все чаще заставлял государя растирающим перед зеркалом виски и бормочущим: «Это невозможно, я положительно схожу с ума...» Немало он озадачил и придворного доктора: король попросил справку, где бы говорилось, что ему противопоказано жениться. Церемонию бракосочетания перенесли несколько раз, наконец отец невесты потребовал у короля объяснений. Людвиг радостно оскорбился (подданный не имеет права предъявлять претензии своему королю!), написал невесте трогательное письмо («Моя дорогая Эльза, твой жестокий отец разлучает нас»), выбросил ее мраморный бюст из окна и умчался в замок Гогеншвангау. Там, усевшись у окна и любуясь видом на бескрайнее озеро и дальние Альпы, Людвиг принял за письмо к Вагнеру: «Как я счастлив, что наконец-то здесь и один! Мать (она была все лето такой обузой) наконец-то далеко, и бывшая невеста,

Камердинер все чаще заставлял государя растирающим перед зеркалом виски и бормочущим: «Это невозможно, я положительно схожу с ума...»

Фрейлейн Бульовски, по словам горничной, вернулась домой в совершеннейшей ярости, била посуду и кричала: «Он холоден как рыба!»

которая наверняка сломала бы мне жизнь, оставила меня в покое...»

Король отложил перо и подошел к распахнутому окну: все устроилось как нельзя лучше — он молод, свободен, здоров и теперь никто не помешает ему выстроить свой собственный мир.

Помешать ему и впрямь никто не мог — вплоть до приезда присланного из Мюнхена отряда, который возглавлял светоч баварской психиатрии, почтенный доктор Гудден. Он уже встречался с Людвигом много лет назад: доктор лечил принца Отто — тот катался по полу в смиренной рубашке, а Людвиг отводил глаза и от брата, и от врача. Доктор знал, что безумие брата стало для короля тяжелым ударом (Людвиг собирался передать ему корону). Его приглашали во дворец и к тете Людвиг, принцессе Александре: и доктор пытался убедить ее в том, что роля из травы она не ела. Принц же был очаровательным ребенком — он тонко

Людвиг написал невесте трогательное прощальное письмо, выбросил ее мраморный бюст из окна и умчался в замок Гогеншвангау

чувствовал искусство и строил из кубиков прекрасные замки. Они выглядели куда лучше тех, которыми он сейчас покрыв Баварию: мрачные груды камней, набитые дорогой утварью и плохими картинами.

В замке Нойеншванштейн, распisanном сюжетами опер Вагнера, король чувствовал себя одним из героев своего Бога и Учителя. Замок не случайно назывался Новым Лебединым: у его подножия раскинулось озеро, в котором жило множество лебедей. (Лебедь, один из любимых вагнеровских символов, олицетворял невинность и чистоту, поэтому он и стал эмблемой Людвиг II.)

Король Баварии превратился в изгоя среди монархов: при встречах Людвиг поражал их своими выходками. Ходили слухи, что в его замке есть грот с искусственным озером, посреди которого плавают лодка, и по ночам король катается на ней, играя на лютне. В иные дни он мчался по окрестностям в позолоченных санях, сделанных в виде лебедя. Король облачался в голубую мантию с бриллиантовым аграфом и черную широкополую бархатную шляпу, слуги надевали камзолы и пудренные парики.

Встречные крестьяне падали ниц — они обожали своего несчастного Людвига.

Но теперь этому положат конец: Людвиг II чуть было не заложил страну Ротшильдам и за дело взялся граф фон Нейренгаупт. Комиссия мюнхенских психиатров признала короля безумным — доктор Гудден едет в Нойеншванштейн, чтобы объявить Людвигу II волю правительства, парламента и народа.

Верный герру Мельхорну привратник распахнул дверь, король и доктор Гудден одновременно отшатнулись друг от друга. Людвиг всегда боялся пронизывающих глаз страшного старика. А доктор Гудден просто не узнал своего короля: красавец-юноша, которого называли Аполлоном и Адонисом, располнел, обрюзг и лишился передних зубов — прекраснейший из монархов Европы превратился в развалину. Доктор произнес: «Ваше Величество, вы арестованы», — и вот они уже мчатся в самый уединенный замок Баварии.

Людвиг молчит, полуприкрыв глаза и

откинувшись назад, он вспоминает свет факелов, игравший на косах и топорах окруживших Нойеншванштейн крестьян, блеск сабель прискакавших из соседнего городка жандармов — на его защиту поднялась вся округа. Он мог бежать — Австрия предлагала пристанище, мог сыграть ва-банк — явиться в столицу и попытаться захватить врагов врасплох... Но Людвиг никогда не умел действовать, а годы, проведенные в обществе Зигфрида, Лоэнгрина и Тангейзера, окончательно разрушили его волю: сперва он велел заковать гостей из Мюнхена в цепи и бросить в подвал замка, а потом решил подчиниться. К подъезду подали карету, крестьяне упали на колени, король поклонился им, сел на бархатные сиденья и откинулся на подушки; назад он оглядывался до тех пор, пока не скрылся в дымке прекрасный Нойеншванштейн.

Замок Берг оказался мал и дурно обставлен, решетки на окнах привели Людвига в ярость, однако с доктором Гудденном, пришедшим на следующий день и

пригласившим короля на прогулку, он был очень любезен.

Когда они направились к озеру, уже темнело: король и старый врач шли по узкой аллее, постепенно исчезая из виду дежуривших у подъезда жандармов. Что было дальше, не знает никто: их нашли в воде неподалеку от берега, костюмы на обоих порваны, лица и руки в синяках и ушибах.

Из официальной версии следовало, что король в припадке безумия набросился на врача, утопил его, но и сам не смог выбраться из озера — борьба отняла слишком много сил. Крестьяне уверяли, что «доброего короля Людвига» убили, и еще долго рассказывали о нем легенды. Им вторили мюнхенские скептики: Людвига отрешили от власти временно, до тех пор пока к нему не вернется рассудок, но те, кто это сделал, решили подстраховаться...

А всю правду знал только доктор Мельхорн — и никому ее не раскрыл.

Алекс Гротт